

Глава 6. Когда ты состаришься

За все эти дни Ци Цзю впервые выбрался из дома.

Работа «курьером золотых пальцев» подбрасывала самые разные миры: от глубокой древности до футуристических звездных империй. В этой бесконечной череде эпох даже самые величественные городские пейзажи проносились перед глазами лишь пестрой лентой, не оставляя следа в памяти.

Ци Цзю стоял у дверцы автомобиля. Поправив запонки на манжетах и натянув перчатки, он небрежным жестом смахнул с плеча снежинки.

Тело Вэнь Чжана изначально было лишь красивой оберткой, скрывавшей гнилую суть. Но теперь, когда на смену прежней душе пришел Ци Цзю, его облик преобразился до неузнаваемости. В элегантном, идеально подогнанном дорогом костюме он выглядел столь внушительно, что проходившие мимо девушки невольно замедляли шаг, оборачиваясь ему вслед.

Е Байлан подошел ближе. Заметив замерший в свете фонаря силуэт, он на мгновение застыл, а его глаза превратились в узкие щелчки.

Ци Цзю, никогда не придававший значения собственной внешности, обошел машину и открыл переднюю дверцу:

— Глава семьи Е отправляется на выезд без личного водителя?

Сегодняшний прием явно не обещал быть мирным, и Ци Цзю ожидал, что Е Байлан возьмет с собой целую свиту. Как минимум — водителя и дюжину телохранителей, а в идеале — отряд наемников с вертолетом прикрытия.

Но Е Байлан, казалось, окончательно лишился рассудка. Мало того что он взял с собой одного лишь Ци Цзю, так он еще и доверил ему сесть за руль.

Будь на месте Ци Цзю прежний Вэнь Чжань, он, загнанный в угол и доведенный до отчаяния, вполне мог бы устроить на заснеженной трассе «случайную» аварию, чтобы избавиться от Е Байлана и пуститься в бег.

Е Байлан уселся на пассажирское сиденье и, подцепив пальцами галстук Ци Цзю, принялся задумчиво вертеть его в руках. Смерив спутника ироничным взглядом, он с усмешкой спросил:

— Ты ведь любишь машины, не так ли?

Ци Цзю не испытывал к автомобилям особого трепета, считая их лишь средством передвижения. Покопавшись в памяти, он вспомнил: Вэнь Чжань и впрямь был помешан на роскошных авто. В свое время он то и дело заставлял Е Байлана угонять машины из гаража семьи Е, чтобы с шиком прокатиться по городу.

Вэнь Чжань работал на бастардов семьи Е, и те, разумеется, не препятствовали Байлану в его «кражах». Напротив, они лишь ждали момента, когда машина вернется, чтобы разыграть очередной спектакль с разоблачением вора и последующей жестокой расправой.

Законы в семье Е были суровыми: за воровство полагались розги и карцер.

Когда Ци Цзю мыл Е Байлана, он видел последствия этого «воспитания». Шрамы — грубые, уродливые, наползающие друг на друга — до сих пор сетью опутывали спину юноши.

— О чем задумался? — Рука Е Байлана скользнула вверх по галстуку, вынуждая Ци Цзю склониться к нему. — Боишься, что я припомню старое?

Он приблизил лицо к самому уху Ци Цзю и прошептал с едва заметным смешком:

— Не бойся. За это я мстить не собираюсь...

Ведь он угонял те машины вовсе не ради прихоти Вэнь Чжаня.

Они лишь использовали друг друга. Вэнь Чжань был пустышкой, прожигателем жизни, и даже не подозревал, что Е Байлан каждый раз вносил в механизмы угнанных авто свои «коррективы». При обычной езде проблем не возникало, но в критический момент...

Благодаря прикрытию в лице этого дурня Байлан всегда оставался вне подозрений — никому и в голову не приходило тщательно осматривать машины после его прогулок.

В тот день, когда мир семьи Е перевернулся, телефонные линии были перерезаны, а сигналы заглушены. Снег завалил горные перевалы, и ни одна машина не смогла выехать за подмогой — все они превратились в груды бесполезного, ревущего железа.

Е Байлан пристально смотрел на Ци Цзю, неосознанно сжимая его галстук. При воспоминании об этом его взгляд снова наполнился тяжелым, мрачным свинцом.

...До этого момента он был уверен, что Вэнь Чжань — всего лишь никчемный идиот.

Но Ци Цзю был другим. Он явно не питал восторгов по поводу предоставленного автомобиля, хотя Е Байлан выбрал лучший из гаража семьи Е.

— И вовсе она мне не «не нравится», — Ци Цзю не понимал, что снова вызвало недовольство «волчонка», но понимал: если Е Байлан продолжит так терзать его галстук, аксессуар можно будет выбрасывать. — Отличная машина.

Автомобиль и впрямь был великолепен: каждая деталь кричала о роскоши. Говорили, что один только зонт, спрятанный в двери, стоит целое состояние. Суммы, потраченной на эту машину, хватило бы, чтобы выкупить небольшую гору на родине Ци Цзю.

Высвободив галстук из цепких пальцев юноши, Ци Цзю поправил его и перебрался на водительское место. Решив сменить тему, он спросил:

— Ты надел теплое белье?

Е Байлан: «...»

Привыкнув к молчаливости подопечного, Ци Цзю самолично проверил наличие кальсон под брюками и остался доволен:

— Надел. Умница.

Он заказал это высокотехнологичное термобелье через систему, добавив к нему шарф и перчатки. Посылку отправили по адресу той самой тесной комнатухи, где Байлан жил в студенческие годы. Ци Цзю догадывался, что юноша держит там людей: в сюжете упоминалось, что только в тех сумрачных стенах Е Байлан мог позволить себе несколько часов спокойного сна.

Впрочем, Ци Цзю относился к этому утверждению скептически. В последние дни «волчонок» спал куда крепче него — стоило голове коснуться подушки, как он проваливался в сон. Если не считать ночных кошмаров, особых проблем со сном у него не наблюдалось.

Зато сам Ци Цзю, деля с ним постель, просыпался по два-три раза за ночь, подозрительно ощупывая собственные бедра — он всё опасался, что Е Байлан воровато попытается вкатить ему очередную дозу снотворного.

— Здоровье нужно беречь, — наставительно произнес Ци Цзю, включая обогрев и начиная привычную «промывку мозгов». — Пока ты молод, тебе кажется, что всё нипочем. Но стоит один раз застудить суставы, и к старости ты об этом горько пожалеешь.

Е Байлан лениво прикрыл глаза, позволяя Ци Цзю пристегнуть его ремнем безопасности:

— И как же я «пожалую»?

Ци Цзю даже удивился: надо же, «волчонок» впервые проявил интерес к его нравоучениям. Он бросил на юношу быстрый взгляд, защелкнул свой ремень и завел двигатель.

На улице бесчинствовал ветер, швыряя в лобовое стекло горсти колючего снега. В свете фар снежинки казались мириадами тонких ледяных игл.

— Будет болеть, ныть, а в непогоду суставы станут распухать, как дрожжевое тесто, — пояснил Ци Цзю. Ему доводилось видеть стариков с искореженными болезнью пальцами, каждое движение которых давалось с великим трудом. — В худшем случае вообще не сможешь ходить.

Е Байлан отвернулся к окну, наблюдая за усиливающимся снегопадом.

— А-а, — безучастно протянул он. — То есть ты просто не хочешь катать мою инвалидную коляску.

Ци Цзю опешил от такого вывода, но, поразмыслив, невольно усмехнулся:

— Ну... можно сказать и так.

Несмотря на молодость, Е Байлан уже успел стать главой семьи Е. Его помыслы были скрыты за маской неизменной улыбки, под которой таились жестокие расчеты, а одного взгляда его бездонных черных глаз было достаточно, чтобы вызвать дрожь у любого.

Но сейчас Байлан выглядел почти беззащитным. Уткнувшись носом в шарф, который выбрал для него Ци Цзю, он сжался в комочек на пассажирском сиденье, прижавшись лбом к запотевшему стеклу.

И на нем было надето теплое белье.

Ци Цзю не удержался. Улучив момент, пока они стояли на длинном красном светофоре, он ловким движением отправил в рот «волчонку» леденец.

Е Байлан, замороженно следивший за огнями ночного города, подскочил на месте:

— Что ты мне сунул?!

— Сливочная помадка, — невнятно ответил Ци Цзю, сам отправив конфету в рот. — Вкусно же, попробуй... Ты чего?

Светофор отсчитывал вторую минуту ожидания, и поток машин вокруг замер в плотной пробке. Заметив, что Байлан внезапно побледнел, а на его лбу выступил холодный пот, Ци Цзю

включил аварийку и коснулся его руки.

Е Байлан, стесненный ремнем безопасности, тяжело дышал. Его челюсти были плотно сжаты, а зрачки — неподвижны и полны затаенной ярости.

Ци Цзю встревожился и протянул салфетку, жестом предлагая выплюнуть конфету. Но стоило его руке приблизиться, как Е Байлан мертвой хваткой вцепился зубами в его запястье.

Зубы глубоко вошли в плоть. Удерживая руку Ци Цзю, юноша одним движением сорвал ремень безопасности и прижал лезвие к горлу спутника.

Ци Цзю лишь нахмурился.

В салон ворвались блики красно-синих маячков. Снежная ночь была опасной, и патрульный, дежуривший на трассе, заметил стоящую на аварийке машину. Он постучал в окно:

— Господин, у вас проблемы? Требуется помощь?

Зрачки Е Байлана сузились. Услышав голос полицейского, он мелко вздрогнул, и по его спине пробежала судорога.

Стекло роскошного авто медленно опустилось. Офицер увидел безупречно одетого Ци Цзю и молодого человека, которого тот крепко, точно строптивного птенца, прижимал к своей груди.

— Всё в порядке... Простите, — Ци Цзю быстро защелкнул ремень юноши обратно. — Немного повздорили, случайно задели кнопку.

Он вежливо улыбнулся полицейскому, выражая искреннее сожаление за беспокойство.

Поза мужчин выглядела двусмысленно, и офицер, решив не лезть в чужие дела, ограничился официальным предупреждением:

— Дорога скользкая. Разбирайтесь со своими семейными ссорами дома, не устраивайте сцен на трассе.

Ци Цзю кивнул, соглашаясь, и выключил аварийку.

Окно закрылось. Красный свет светофора сменился зеленым, и впереди замигали стоп-сигналы трогającychся машин. Убедившись, что патрульный отошел достаточно далеко, Ци Цзю разжал

руки:

— Ты как?

Е Байлан молчал. С каменным лицом он принялся приводить в порядок одежду.

В салоне, еще недавно теплом, теперь гулял ледяной ветер, принесший с собой колючий снег. Та робкая искра жизни, что едва начала тлеть между ними, мгновенно погасла в тяжелом, гнетущем безмолвии.

Рядом с Ци Цзю снова сидел грозный глава семьи Е. Байлан откинулся на дверцу, холодным взглядом изучая своего спутника. Блеснувшее в его пальцах лезвие мгновенно исчезло, словно его и не было.

— Виноват, — Ци Цзю первым признал ошибку. — Нужно было предупредить. Не стоило совать тебе конфету без спроса.

Е Байлану никогда раньше не давали сладостей. Все, кто пытался что-то впихнуть ему в рот, давали ему лишь прокисшие объедки, камни, песок или препараты, ломающие волю и превращающие человека в послушную марионетку.

Реакция юноши была предсказуемой. В том аду, через который он прошел, лишь такая мгновенная, почти звериная готовность перегрызть глотку любому позволяла выжить. Не будь он всегда готов забрать всех с собой в могилу, он бы не дотянул до этого дня.

Ци Цзю искренне извинился и, осторожно вытирая пот с его лба краем манжеты, произнес:

— Ну-ну, не сердись. Давай не будем ругаться на людях. Дома, если захочешь, можешь хоть иголками меня истыкать...

Е Байлан внезапно спросил:

— Почему ты не сбежал?

Голос его был надтреснутым и хриплым, лишенным каких-либо интонаций.

Ци Цзю, краем глаза следя за дорогой, плавно тронул машину с места:

— А?

Е Байлан снова схватил его за галстук. Бледный, точно призрак, он не отрывал от Ци Цзю

взгляда, полного мрачной тени.

...В этот галстук он вмонтировал миниатюрное взрывное устройство. Стоило Ци Цзю сделать попытку к бегству — и Байлану хватило бы легкого движения пальца, чтобы разорвать ему горло.

Ци Цзю явно об этом не знал. Но когда подошел полицейский, он не подал знака, не попросил о помощи и даже спрятал нож юноши, прикрыв его своим телом.

Во время этой короткой схватки лезвие порезало ему руку.

Почему он не позвал на помощь? У Ци Цзю было больше десяти способов сдать Е Байлана властям прямо там, на дороге. Байлан не верил, что человек с такими навыками, как у Ци Цзю, не нашел бы способа скрыться.

Минуты тянулись мучительно долго в этом одностороннем противостоянии.

Ци Цзю был сосредоточен на вождении — дорога была скользкой, а видимость почти нулевой, поэтому он не сразу нашел нужные слова.

— Ну... понимаешь, — ответил он, ведя машину по навигатору к отелю. — Мужчина должен держать слово.

Е Байлан решил, что ослышался:

— Что?

— Я пообещал тебе, что не сбегу. А я слов на ветер не бросаю. Что это за человек такой, который лжет на каждом шагу?

Ци Цзю вовсе не был «бывшим любовником» Е Байлана. Он был наставником, призванным направить героя на истинный путь с помощью «золотых пальцев», и не мог позволить себе подавать дурной пример.

Он припарковал машину на стоянке отеля и повернулся к юноше. Е Байлан смотрел на него так, словно этот нелепый ответ потряс его до глубины души.

— И только... из-за этого?

Свет уличных фонарей падал на короткие волосы Байлана, делая их на вид мягкими и пушистыми. В его глазах отражались неоновые вывески, на мгновение превращая холодную бездну зрачков в нечто человеческое.

Ци Цзю некоторое время молча смотрел на него, а затем негромко рассмеялся. Не говоря ни слова, он ласково взъерошил волосы «волчонка» и вышел из машины.

Лезвие оставило на его ладони довольно глубокий порез. Рана была не опасной, но в темноте салона обработать её было невозможно, поэтому Ци Цзю решил попросить аптечку в отеле. Но не успел он обратиться к швейцару, как несколько теней отделились от входа и направились к ним.

Ци Цзю узнал их сразу — он хорошо помнил сюжет.

Это были типичные «золотые мальчики», праздные наследники богатых фамилий, привыкшие к безнаказанности и взирающие на мир с высоты своего самомнения. В свое время Вэнь Чжань из кожи вон лез, чтобы попасть в их круг, где деньги текли рекой. Но, встретив лишь пренебрежение, он решил попытать счастья с Е Байланом.

— Вэнь Чжань? — один из них нарочито громко воскликнул, оглядывая Ци Цзю с ног до головы. — Ты еще жив? Калека Е не содрал с тебя шкуру?

Смена власти в семье Е была окутана тайной, но все знали, что Е Байлан — человек опасный. История же Вэнь Чжаня была притчей во языцех: все понимали, что он заигрался с огнем и ввязался в дело с тем, кого следовало бояться больше всего. Когда Байлан захватил власть и начал кровавую чистку, все решили, что Вэнь Чжаню конец.

Увидеть его сегодня здесь, живым и невредимым, было для них полной неожиданностью.

— Неужто сбежал? Или всё еще надеешься подцепить кого-нибудь побогаче?

Окружающие разразились хохотом:

— Неплохая тачка! Кого теперь возишь? Смотри, если Калека Е тебя поймает — скормит псам!

— А знаешь, ты всё еще ничего... Дам тебе пять миллионов, пойдешь ко мне?

— Пять миллионов? Да ему и пяти сотен много! — раздался чей-то издевательский голос. — Как ты умаслил этого калеку? Тысячу раз поклонился? Или стал его верным псом? Зная характер Е Байлана, сомневаюсь, что это бы помогло. Тебе там ничего лишнего не отрезали?

Один из них, распалаясь, подошел вплотную к Ци Цзю:

— Ну-ка, покажи нам, сильно ли Е Байлан над тобой поиздевался...

Они и раньше презирали Вэнь Чжана, а теперь, когда тот был в немилости у нового главы семьи Е, и вовсе потеряли всякий стыд. Они были уверены, что Вэнь Чжань — покойник, и хотели напоследок вдоволь поглумиться над ним. А если повезет — сдать его потом Е Байлану и получить за это награду.

Их семьи уступали дому Е по влиянию, поэтому любая возможность выслужиться перед новым главой была для них желанной. Сопровождая свои действия грязными шуточками, они обступили Ци Цзю, собираясь пустить руки в ход.

Внезапно один из них осекся, и его смех застрял в горле. Он уставился в пространство за спинами приятелей, бледнея на глазах:

— Е... Е...

— Ты чего? — хохотнул другой, хлопая его по плечу. — Привидение увидел?

Но, обернувшись, он и сам вздрогнул, покрываясь холодным потом. Теперь они не смели называть Байлана «калекой» в лицо. Все знали, что этот безумец способен на всё, и если он решит переломать им кости и выбросить на свалку, их семьи вряд ли осмелятся поднять шум.

— Ци Цзю, — Е Байлан, опираясь на трость, медленно шел по снегу, словно не замечая никого вокруг. — Почему ты застрял здесь?

Ци Цзю в это время незаметно рассовывал по их карманам бумажные комочки, созданные системой. Это были микрофоны, которые позволяли прослушивать разговоры их семей и вовремя узнавать о планах против Е Байлана. Он как раз закончил с последним, когда юноша подошел.

Ци Цзю поддержал Байлана под руку и, не обращая внимания на окружающих, принялся поправлять его сбившийся галстук-бабочку:

— Да вот, встретил знакомых, перекинулись парой слов.

Е Байлан послушно замер, позволяя Ци Цзю приводить себя в порядок. В ярком свете фонарей его безупречные черты лица казались высеченными из мрамора, а на фоне метели он походил на капризного молодого господина. Но никто из присутствующих не обманывался — перед

ними был человек, заливший кровью поместье Е.

Один из наследников, заикаясь, выдавил:

— Господин Е, вы назвали его... Вэнь Чжань...

— Его настоящее имя — Ци Цзю, — лениво поправил его Байлан. — Вэнь Чжанем он назывался, когда лгал мне.

Вокруг воцарилась гробовая тишина. Мажоры переглянулись, не в силах вымолвить ни слова от охватившего их ужаса.

Е Байлан молча вытирал набалдашник своей трости — поговаривали, что им он проломил не одну голову. Его аура подавляла их, и даже случайный взгляд его равнодушных глаз заставлял их сердца замирать.

— Он... он ведь не только в этом вам лгал, — наконец пролепетал один из них, дрожа всем телом. — Он совершил много дурного, господин Е, это закоренелый лжец...

Е Байлан поднял на него взгляд своих бездонных черных глаз, и тот мгновенно умолк, обливаясь холодным потом. Байлан принялся методично постукивать концом трости по его коленной чашечке.

— Мне нравится... держать при себе лжеца, — медленно произнес он своим странным, лишенным тепла голосом. — Или тебя кто-то спрашивал?

Тот в ужасе попятился и рухнул прямо в снег.

Е Байлан убрал трость. Ему явно надоело это общество. Когда Ци Цзю закончил с его галстуком, юноша крепко взял его за руку, словно опасаясь, что тот снова ввяжется в разговор с какими-нибудь «знакомыми».

Кивком велел швейцару открыть дверь, Е Байлан отдал трость Ци Цзю и всем весом навалился на его руку.

— Разве личный врач должен заниматься еще и этим? — проворчал Ци Цзю, поддерживая пошатывающегося юношу.

— Будешь делать то, что я прикажу, — отрезал Байлан. — Веди меня внутрь.

Он явно хотел, чтобы все видели: Ци Цзю — не «пес» и не «слуга», а человек, на которого он

опирается.

— На тебе есть кальсоны? — вдруг спросил Байлан.

Ци Цзю: «...»

— А?

— Нет на тебе ничего, — Байлан ощупал его брючину и, наконец-то взяв реванш, торжествующе прищурился. — Чего тогда стоишь на холоде? Ждешь старости, чтобы я за тобой ухаживал, когда ты станешь калекой?

Ци Цзю не ожидал, что «волчонок» так быстро усвоит его урок:

— Ну...

Он знал, что не доживет до старости. Но говорить об этом сейчас не стоило.

Е Байлан выглядел довольным — той особой, скрытой от посторонних радостью, которую Ци Цзю уже научился распознавать. Для окружающих же он оставался жестоким хищником, который наслаждается моментом чужого унижения. В их глазах Байлан был возбужден близостью крови, и лишь поэтому его взгляд сиял так необычно ярко.

— Найди комнату, обработай руку и надень теплое белье, — скомандовал Байлан. — Я взял его для тебя.

Ци Цзю изумился:

— Что?!

Он нес в руках роскошный кофр с вечерним костюмом Е Байлана и никак не мог представить, что в каком-то его потайном углу, рядом с элитными тканями, сиротливо притаились обычные кальсоны.

Е Байлан, чувствуя себя полноправным хозяином положения, велел швейцару проводить их в комнату отдыха.

— Переодевайся, — бросил он, прислонившись к двери и лениво перекатывая во рту леденец.

— Когда ты состаришься... — «волчонок» явно был в превосходном расположении духа, и даже его голос звучал менее холодно, несмотря на напускную суровость. — Я не стану толкать твое

кресло. Понял?

<http://bllate.org/book/16113/1587115>